

УДК 811.111'42

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА HÉROS

Е. О. Омеличкина

SEMIOTIC CHARACTERISTICS OF THE LINGUO-CULTURAL TYPE «HÉROS»

Е. О. Omelichkina

Настоящая работа посвящена анализу таких семиотических понятий, как образ, символ, типаж, этимологии лексемы *héros* (герой), понятийных признаков данного концепта, зафиксированных в словарных статьях и культуре, а также его образных и ценностных признаков, интерпретированных автором в художественном тексте. Проведенное исследование позволяет выделить некоторые отличительные характеристики лингвокультурного типажа *héros*.

The paper focuses on the study of basic semiotic notions, such as image, symbol, type, etymology of the lexeme *héros*, conceptual signs of the discussed concept fixed both in dictionary definitions and culture, as well as its image and value signs, interpreted by the author in his work of art. The accomplished analysis revealed some distinctive characteristics of the linguo-cultural type «*héros*».

Ключевые слова: семиотика, образ, символ, лингвокультурный типаж, стереотип, герой, французская литература XX века.

Keywords: semiotics, image, symbol, linguo-cultural type, stereotype, hero, French literature of the XX-th century.

Семиотический анализ осуществляется на уровне означающего (план выражения) и означаемого (план содержания, отсылающий к «понятию»). При этом означаемое «является не самим предметом, а представлением о предмете», и, следовательно, «благодаря своей психической природе сближается с понятиями ‘концепт’ и ‘образ’». Значение – это «процесс, акт, объединяющий означаемое и означающее» [8, с. 38 – 46]. Для того, «чтобы понять и интерпретировать текст, необходимо адекватно трактовать отношения между означающим и означаемым», «рассмотреть взаимосвязь значения с референтом, объектом, что хронологически предшествует первому процессу и зависит от мотиваций и ценностей читателя» [10, с. 6].

Для описания лингвокультурного типажа *héros* (герой) мы обратились к разработанным О. А. Дмитриевой [2] и В. И. Карасиком [3] алгоритмам, которые предполагают поэтапный анализ понятийной, образной («паспорт» типажа), ценностной и оценочной составляющих исследуемого типажа, а также социокультурной справкой.

Общество с момента своего рождения нуждалось в героях, поступки, поведение и образ жизни которых канонизировались как социальные эталоны. Образцы героического поведения со временем отделяются в общественном сознании от их субъектов и начинают жить самостоятельной жизнью, что ведет к возникновению семантического статуса героизма. Таким образом, герой – это не столько конкретная личность, сколько утвердившийся в данной социокультурной системе личностный статус и роль. Герой как реальная личность должен удовлетворять тому образу героя, который укоренился в общественном сознании в рамках данного культурного и временного пространства [4, с. 7 – 19; 47 – 67].

Процесс формирования лексемы *héros* отражает ее этимология и семантическая эволюция. Этимологически *héros* восходит к латинскому существитель-

ному *heros* и греческому *hērōs*, *hērōe* – «полубог», «достойный человек», первоначально «защитник». В латинский язык *heros* пришел из греческого языка. Вследствие данного заимствования, лексема приобретает значения, зафиксированные в латинско-русских словарях:

- 1) полубог;
- 2) богатырь, герой.

Выделяется корневая морфема *-ser* (эволюционировавшая позже в *-her* и *-er* (*erus* – «хозяин, господин, владелец, обладатель, супруг; поэт, властитель, повелитель»)) «присматривать, защищать, охранять», свидетельствующая об охранительной и покровительственной функции героя (*servare* – «сторожить, охранять, сохранять, беречь, оберегать, спасать»). Наряду с вышеприведенными формами выявляется альтернативное обозначение героя: латинское существительное *vir* – «взрослый мужчина, муж, возлюбленный, мужественный человек, воин, солдат, боец», абстрактное понятие «мужество, сила», которыми наделен герой. Латинская и греческая лексема *heros* связана с санскритским словом *vīra* «герой, храбрый и выдающийся человек, воин, чемпион» (ставшая продуктивной для образования слов со значением «высшая степень проявления мастерства»). Позже западно-европейские языки пошли по пути расширения значения. В XVI веке героем стал номинироваться не только мифологический персонаж (*Hera* – «защитница, покровительница» и *Herakles* «*Hera* + *kleos* (слава)»), храбрый воин, но и любая выдающаяся личность, исключительный человек по своим морально-волевым качествам и добродетелям, достойный всеобщего восхищения, благодаря исключительной черте характера, дарованиям, самоотверженности. В XVII веке толковые словари французского языка фиксируют значение: главное действующее лицо художественного произведения. Позже героем стали называть того, кто сыграл главную роль в каком-либо событии, поя-

вившегося в средствах массовой информации в качестве главного персонажа, героя дня. В русский язык лексема попала через французский язык, вообразив в себя все вышеизложенные семантические характеристики, а также несколько дополнительных значений: герой как сила, направляющая исторический процесс; звание, признание на государственном уровне (народный или национальный герой); амплуа в трагедии или драме [11, 12, 13, 16].

Проанализировав французские толковые словари [14, 15, 17], мы пришли к выводу, что обретение человеком статуса *héros/героя* обусловлено присущими ему личными героическими качествами (*un idéal de force d'âme, de caractère et d'élévation morale, toutes les vertus, une grande abnégation, la bravoure, un courage extraordinaire, le sens du sacrifice, le génie*); высшей степенью проявления этих качеств (*à son plus haut degré*); героической деятельностью как образом жизни (*un comportement exemplaire, le dévouement total à une cause pour laquelle on combat, à une oeuvre*); героическими поступками (*les exploits prodigieux*), а также положительной оценкой социумом данной деятельности и поступков в рамках устоявшейся ценностной системы (*digne de l'estime publique, de la gloire, qui incarne dans un certain système de valeurs un idéal, fait l'objet d'une admiration excessive de la part de quelqu'un*).

В концептуальное поле *héros* / герой входят следующие понятия:

– *Путь*. Герой – это человек пути. Трудность пути – его постоянное и неотъемлемое свойство. В конце пути находятся высшие сакральные ценности, признаваемые в данной модели мира, или то основное препятствие, опасность, которые, будучи преодолены или устранены, непосредственно открывают доступ к этим сакральным ценностям и связанному с ними изменению статуса. Мифологема пути выступает не только в форме зримой реальной дороги, но и метафорически — как обозначение линии поведения (особенно часто нравственного, духовного), где целью является не завершение пути, а сам путь, в котором происходит становление героя, переход от одной сферы бытия в другую [6, с. 227 – 284].

– *Подвиг*. Им может быть поступок, поведение, способ существования, вся жизнь героя, преодолевающего препятствия ради достижения цели. Непротиворечие с личностно переживаемым долгом, основанным на справедливости, его добровольной природой, добродетельностью, выходящей за границы общепринятой, делает подвиг морально-положительным и уникальным социальным явлением. Он всегда конкретен и имеет свою структуру (цели, мотивы, средства реализации). В подвиге органично присутствуют мужество, храбрость, вера в правоту, осознание социальной значимости данного рода действий и поведения, жертвенность, оптимизм, несгибаемость перед трудностями и тяжестью судьбы [4, с. 68 – 70].

– *Судьба*. Герой всегда человек судьбы, которой противостоит. Его воля покрывает своей свободой

внешнюю необходимость и неизбежность судьбы. Однако конфликт с внешней силой обрекает героя на страдания или даже гибель [5, с. 483].

– *Награда*, являющаяся мерой человеческих свершений, символом, имеет закрепленный в данной культуре общеизвестный смысл – социального поощрения героического поступка. Важнейшим элементом ореола героя, образно оформленного отношения к нему и его подвигу со стороны общества, выступает слава и известность, авторитет, а также рождение легенды [4, с. 129 – 137].

Исходя из словарных дефиниций, содержащихся во французских толковых словарях, можно предположить, что для концептосферы французского языка в большей степени характерен образ героя-рыцаря. Наблюдается четкое деление на внутренние и внешние составляющие: эталонные морально-волевые качества героя характеризуют его поведение, поступки и объясняют восприятие героя в качестве идеала. Герою, помимо храбрости и мужества, свойственны такие рыцарские качества, как *noblesse* (благородство), *générosité* (великодушие), *vertu* (добродетель), *âme* (душевность), *élévation* (возвышенность). Героизму противопоставлены *crime* (злодейство), *témérité* (безрассудство), *sang-froid* (хладнокровие), *lâcheté* (трусость и малодушие), что указывает на разумность, убежденность и воодушевленность героя. Концептосфере русского языка ближе образ героя-войны (активация внутреннего потенциала напрямую связана с чувством патриотизма. Героизм неотделим и реализуется в поступке) [14, 15, 17].

Это доказывает тезис о том, что язык неразрывно связан с культурой и этносом, а в героической личности как носителя различных ценностных доминант данной культуры сосуществуют различные социально-ситуативные роли, модусы поведения, уровни коммуникативной компетенции, а также индивидуальные особенности. Так возникает героический образ.

Образ героя – это представление, восприятие реального человека, творчески воссозданное в художественном произведении. Содержание образа неотделимо от конкретной формы, предметного мира. Образ диалектичен и субъективен: он объединяет живое созерцание, его интерпретацию и оценку автором, а позже и читателем.

Образ составляет тот базис, над которым надстраивается символ с его архетипическим началом. Символ принадлежит коллективному сознанию (определенной культуры, социума). Он перенес точку опоры в мир смыслов. Символ представляет собой структурированное семиотическое понятие. Оно трехкомпонентно и состоит из смысла (часто общего, изменчивого), означающего – четкого и хорошо сформированного, и соединяющей их семиотической связки, обеспечивающей возможность взаимозависимого развития сторон символа и в конечном счете их конвенционализации. Назначение символа заключается в том, что он, взятый в его отношении к личной и социальной сферам, определяет программу

действий и создаёт модель поведения. Символ понятен, глубок, ценностен для культуры и общества, а также широко распространен. Он всегда приподнят над отдельным человеком и обобщает отличительные черты [1, с. 338 – 345].

В центре нашего внимания находится образ героя-гуманиста, который в полной мере может считаться символом, а значит и типажом. Представление о реальной действительности формирует общие категории мышления, включающие человеческие типажи. Различные аксиологические, социальные, психологические, физиологические и т. д. категории могут материализоваться в типах. Тип, или типаж, по словам В. Колонна, является «поведенческой моделью, схематизацией человеческой деятельности (в большей или меньшей степени predetermined), наделенной характерными физическими и психологическими чертами» [9, с. 152]. Героическая личность становится типажом, прототипом, символически детерминированным в тексте, «строит свое поведение в соответствии с ролевыми предписаниями», является «обобщением и включает стереотипные представления о типизируемом», как поведенческие, так и ценностные. Любой типаж национально маркирован, так как он является «узнаваемым образом представителя определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [3, с. 179 – 183].

Кроме того, типаж «характеризуется двойственной природой: с одной стороны, он представляет собой концепт, с другой стороны – языковую личность», которая проявляется через коммуникативное поведение, через вербальный ряд. Лингвокультурному типу свойственна рекуррентность, знаковая и прецедентность. Следовательно, под героическим типом личности мы подразумеваем лингвокультурный типаж «герой» – «модельную личность», устанавливающую «ценностные ориентиры поведения» [2, с. 17 – 81].

В данной связи речь идет о когнитивном процессе стереотипизации, обобщения, продуктом которого является эмоционально-оценочные образования, стереотипы – «образы, которые опосредуют наше отношение с объективной реальностью». Они представляют собой «готовые изображения, ранее существовавшие культурные схемы, с помощью которых каждый человек «фильтрует» окружающую действительность» [7, с. 26]. Стереотип может меняться от поколения к поколению. Он вычленяется благодаря процессу расшифровки, который состоит

в поиске признаков группы, предмета, ситуации. Стереотип не существует вне контекста и, по словам Р. Амосси, является «способом организации чтения». Он появляется в момент узнавания модели, существующей в коллективном сознании [7, с. 72 – 73].

В тексте герой конкретизируется как персонаж художественного произведения, «обрастая» индивидуальными портретными и поведенческими характеристиками и выполняя различные социальные ситуативные роли, уровни коммуникативной компетенции. Герой является не только собирательным образом, но и индивидуальностью, типизация которой позволяет выделить общие черты.

В романе французского писателя Romain Gary «Les Racines du ciel» («Корни неба»), опубликованного в 1956 году, в центре сюжетной линии – идеалист и гуманист Морель, отправившийся во Французскую Экваториальную Африку и посвятивший себя благородной цели спасения слонов от исчезновения. Морель вобрал в себя черты разных героических типов, выделенных В. Д. Плаховым [4, с. 47 – 67]. Он предстает перед читателями в образе первопроходца, правдоискателя, бунтаря, аскета, жертвователя, энтузиаста, борющегося против охотников за сохранение природного богатства.

В структуре лингвокультурного типажа особое место принадлежит ценностям – наиболее фундаментальным характеристикам культуры, высшим ориентирам поведения [3, с. 183]. В этом смысле ценности делятся на индивидуальные (персональные) и коллективные (микрогрупповые, макрогрупповые (социальные, ролевые, статусные и др.), этнические и общечеловеческие).

Для Мореля спасение популяции африканских слонов является высшей ценностью, его целевой установкой. В культуре разных стран и народов слон предстает в качестве символа силы, верности, мудрости, терпения, он олицетворяет также целомудрие, доброжелательность, долголетие, бессмертие, победу над смертью. Слон – символ Христа, противника змея, попирающего его ногой. В древности верили, что мир держится на слонах.

Для анализа *образного* и *ценностного* содержания рассматриваемого типажа мы выбрали контексты, в которых показана позиция Мореля и его личностные характеристики в процессе коммуникации (*прямая речь персонажа*):

– *Non, mademoiselle, je ne capture pas les éléphants. Je me contente de vivre parmi eux. Je passe des mois entiers à les suivre, à les étudier. A les admirer, plus exactement. A ne vous rien cacher, je donnerais n'importe quoi pour devenir un éléphant moi-même (p. 49 – 50).*

– *Нет, мадемуазель, я не ловлю слонов. Довольствуюсь тем, что живу среди них. Месяцами хожу за ними, изучаю. Вернее говоря, восхищаюсь. Не стану от вас скрывать – я отдал бы все на свете, чтобы самому превратиться в слона (с. 45).*

Француз Морель после нескольких лет, проведенных в концлагере во время Второй мировой войны, приехал в Чад, чтобы бороться с охотниками и

поставщиками слонов в Европу, из-за которых каждый год в Африке гибнут десятки тысяч парнокопытных животных. Разочаровавшись в окружавших

его людях (в тексте встречается лексема *rogue* «высокомерный, надменный», которую употребляют некоторые жители Форт-Лами по отношению к Морелю, сравнивая его с раненым слоном, который живет один и агрессивно относится к человеку), Морель ощущает родственную связь со слонами, становится частью их стада и следует за ними (*vivre parmi eux, les suivre*). На грамматическом и стилистическом уровне изучаемый текстовый фрагмент содержит градацию (*à les suivre, à les étudier, à les admirer*), указывающую на огромный интерес Мореля к слонам и бережное к ним отношение. Автор прибегает к антитезе: *vivre parmi eux, suivre, étudier, admirer / capturer*, чтобы противопоставить две разные жизненные позиции – эстетическую и захватническую. Герой не считает себя вожаком и хозяином. Напротив, слон является объектом восхищения и примером для подражания. Слоны воспринимаются героем в качестве ценностного ориентира, символа совершенства, к которому он стремится (*je donnerais n'importe quoi pour devenir un éléphant moi-même*). Морелю свойственна честность (*à ne vous rien cacher*).

Примечательно, что еще один персонаж, Сен-Дени, который давно живет в Африке, ассоциирует себя со слоном: «*Il n'y a pas de doute: je suis un anachronisme, un survivant d'une époque géologique révolue – comme les éléphants, tenez, puisqu'on parle d'eux. Au fond, je suis moi-même un éléphant (p. 120)*».

Приведенные контексты иллюстрируют, что Морель и Сен-Дени относят себя к минувшей эпохе, предшествующей техническому и экономическому прогрессу. Сен-Дени номинирует себя анахронизмом, пережитком прошлого, как и слон, и, таким образом, разделяет его судьбу. Отсюда имплицитная антитеза – прогресс (к которому шел Африканский континент вслед за Европой и США) – природа (которая ближе Морелю и Сен-Дени).

Морель, встретив неприятие и нежелание жителей Форт-Лами подписать петицию в защиту слонов от браконьеров, уходит в джунгли, надеясь найти единомышленников и добиться издания закона, защищающего права животных. Он постепенно переходит к активным мерам и пытается сам наказать заядлых охотников, нанося им раны и портя имущество. Автор наделяет героя такими признаками, как романтизм и идеализм:

– Ce qui se passé, c'est que les gens ne sont pas au courant, alors il laissent faire. Mais quand ils ouvriront leur journal, le matin, et qu'ils verront qu'on tue trente mille éléphants par an pour faire des coupe-papiers, ou pour de la bidoche, et qu'il y a un gars qui fait des pieds et des mains pour que ça cesse, vous verrez le raffut que ça fera. Quand on leur expliquera que sur cent éléphants capturés, quatre-vingts meurent dès les premiers jours, vous verrez ce que l'opinion publique dira. Ce sont là des choses qui font tomber un gouvernement, je vous le dis, moi. Il suffit que le peuple le sache (p. 133).

– *Ведь что происходит? Люди просто не в курсе дела и потому сидят, сложа руки. Но когда они утром развернут газету и узнают, что в год убивают тридцать тысяч слонов, чтобы сделать из бивней ножи для бу маги или запастись трухлятиной, и что есть такой парень, который из кожи вон лезет, чтобы это прекратилось, вот увидите, какой поднимется гвалт. Когда им объяснят, что из ста пойманных слонят восемьдесят дохнут в первые же дни, на чью сторону, по-вашему, встанет общественное мнение? Ведь из-за таких вещей может пасть правительство, это я вам точно говорю. Достаточно, чтобы о них узнал народ (с. 120).*

В речи Мореля встречается фразеологический оборот разговорного регистра *faire des pieds et des mains*, посредством которого объективируется неутомимое желание героя достичь цели, несмотря на многочисленные трудности. Деятельная позиция француза противопоставлена пассивности и неосведомленности остальных людей, выраженных в идиоме *laisser faire*. Для коммуникативного поведения героя характерна эмоциональность и использование разговорной лексики: *la bidoche, un gars, le raffut*, что выдает в нем человека из народа, стремящегося к простоте, не привыкшего вести светские беседы и намеренно отказывающегося от социальных привилегий белого человека из колониальной Африки. Прагматической целью приведенного обращения героя, живущего уже некоторое время вдали от людей, к Сен-Дени, который выступает здесь в качестве посредника, является стремление Мореля всколыхнуть общественное мнение. Обращение к собеседнику, использование глагола в форме будущего времени *vous verrez*, повтор личного местоимения в первом лице единственного числа *je vous*

le dis, moi свидетельствуют об уверенности Мореля в своей правоте и конечном успехе. Герой продолжает надеяться на великодушие людей, которые смогут позаботиться не только о себе, но и о слонах, и даже свергнуть правительства своих стран (*Ce sont là des choses qui font tomber un gouvernement; il suffit que le peuple le sache*). Автор обнажает наивность Мореля, далекого от бюрократического аппарата и власти. Также одной из доминантных черт героя является доверчивость. Будучи первопроходцем, бунтующим против общества потребления, француз впитал в себя революционный дух. Романтик и идеалист, он верит, что народ способен проникнуться высокими идеями спасения животных, захочет поступиться собственными интересами и имеет достаточно возможностей, чтобы изменить мир.

Со стороны социума, в свою очередь, наблюдается полярная оценка героя и его ценностей. Многие жители и чиновники Французской Экваториальной Африки негативно относятся к деятельности Мореля:

– *J'ai quarante-huit heures pour arrêter Morel. Car, naturellement, je lui ai mis ça sur le dos et j'espère bien qu'il ne me fera pas faux bond. Notre version a été immédiatement qu'il s'agit d'une espèce de fou, de misanthrope, qui s'est mis en tête de défendre les éléphants contre les chasseurs, et qui a, en quelque sorte, décidé de changer d'espèce, par dégoût de l'humanité. Un blanc qui est devenu amok par misanthropie, et qui est passé du côté des éléphants (p. 75).*

– У меня сорок восемь часов, чтобы арестовать Мореля. Потому что я, конечно, приписываю случившееся ему и надеюсь, он не заставит меня признать ошибку; наша версия сразу была такова: мы имеем дело со своего рода помешанным, с человеко-ненавистником, который вбил себе в голову, что должен защищать слонов от охотников, а сам из отвращения к людям решил как бы сменить свое естество. Белый, которого от неприязни к людям настиг амок, и он встал на сторону слонов (с. 68).

Губернатор Чада, собирающийся арестовать француза из-за нападения на охотников, дает ему ярко отрицательные характеристики. Морель представляется сумасшедшим (*une espèce de fou, s'est mis en tête*), опасным и агрессивным по отношению к людям (*de misanthrope, amok, par misanthropie, par dégoût de l'humanité*). Тема человеконенавистничества Мореля становится доминантной в речи губернатора и манифестируется посредством вариативных лексических единиц. Акцент делается также на расовой принадлежности Мореля: *un blanc*. Использование гиперболы *qui a décidé de changer d'espèce* подчеркивает категоричность мышления политика, который противопоставляет людей и животных и

оценивает Мореля как человека, который изменил своей природе и перешел в стан слонов. Сема, отражающая уверенность губернатора в своей правоте и быстроту сделанных выводов, касающихся виновности француза, присутствует в метафорически переосмысленных фразеологизмах *mettre sur le dos* и *ne faire pas faux bond*, а также наречиях *naturellement* и *immédiatement*. Губернатор видит цель Мореля не только в защите слонов, но и в жестоком наказании людей.

В прямой речи единомышленников француза доминирует положительная оценка:

– *Voilà un homme qui croit en vous, colonel Babcock, qui fait appel à vous pour essayer de sauver, de préserver quelque chose... Il croit à la nature, y compris la nature humaine, que vous tous ne faites que calomnier, il croit que l'on peut encore agir, sauver quelque chose, que tout n'est pas irrémédiablement voué à la destruction... Il y a là-bas, dans cette forêt, un homme qui croit en vous, un homme qui croit que vous êtes capable de bonté, de générosité, de... d'un... d'un grand amour, où il y aurait de la place pour le dernier des chiens ! (p. 104).*

– Человек вам верит, полковник Бэбкок, он взывает о помощи в своей попытке что-то спасти, сохранить... Он верит в природу, в том числе и в человеческую, на которую вы все только клеветеете, он думает, что можно еще что-то сделать, что-то спасти, что еще не все непоправимо изуродовано... Там, в чаще, бродит человек, который в вас верит, верит в то, что вы способны на доброту, на душевную щедрость, на... на великую любовь, которую проявите и к последнему псу! (с. 95).

Немка Минна, пережившая несчастья на Родине во время войны, игравшая незавидную роль красивой женщины в Форт-Лами и сумевшая найти утешение в красоте африканской природы, испытывает к отшельнику Морелю родственные чувства. Минна лично переживает сложившуюся ситуацию вокруг Мореля, поэтому ее речи свойственна экспрессивность. Синтаксический повтор: *un homme qui croit* (человек, который верит), повтор глагола *sauver* (спасти) подчеркивают гуманистическую сущность поведения героя, веру в людей и возможность сохранить на Земле что-то прекрасное. Возникает образ Мореля-гуманиста. Глаголы *sauver, préserver, agir, fait appel* говорят о созидательной миссии Мореля, его оптимизме и стремлении найти близких по духу людей. Символичным видится ука-

зание девушки на местонахождение Мореля (II у а là-bas, dans cette forêt), что демонстрирует единение героя с природой. Минна убеждена, что Морель верит в благородные качества и чувства людей и пытается пробудить их. Автор использует градацию: *que vous êtes capable de bonté, de générosité, de... d'un... d'un grand amour*. Центральной в данном текстовом фрагменте является лексема *amour* (любовь). При этом для Минны ценностны не избирательные чувства, а всеобщая и всеобъемлющая любовь (*où il y aurait de la place pour le dernier des chiens*). Таким образом, богатый внутренний мир Мореля открывается благодаря его вере в душевную красоту и гуманизм окружающих людей.

Минна отмечает одиночество героя:

– *Je voyais bien qu'il était à bout, qu'il avait besoin de quelqu'un (p. 53).*

– Я прекрасно видела, что он дошел до точки, что ему кто-то нужен (с. 48).

Фразеологический оборот *être à bout*, употребленный в метафорическом значении, номинирует крайнюю степень усталости и отчаяния героя (ср.

à bout de forces): он испытывает потребность в участии и понимании.

Аллюзия на слона – символа Христа в христианстве, одиночество Мореля и любовь ко всему живому придают его миссии сакральный смысл.

Анализ контекстов, в которых представлена прямая речь героя, позволяет выделить следующие образные и ценностные характеристики: восхищение слонами, желание превратиться в слона, честность, эстетическое и исследовательское отношение к миру, ощущение связи с прошедшей эпохой, активность, деятельность, самоотверженность, эмоциональность, простота, вера в благородство людей, уверенность в своей правоте и конечном успехе, романтизм, идеализм, наивность, доверчивость, бунтарство и т. д. В прямой речи других персонажей романа представлены различные оценочные составляющие образа Мореля. Отрицательные: сумасшествие, агрессивность, мизантропия, отказ от человеческой сущности, высокомерность. Положительные: гуманизм, оптимизм, вера в красоту и возможность ее спасти, созидательность, единение с природой, вера в людей, стремление пробудить благородные качества в людях, всеобъемлющая любовь, одиночество, потребность в участии, понимании, помощи и под. Данные образные и ценностные характеристики образуют понятийные признаки типажа héros как литературного персонажа.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Дмитриева, О. А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX в.: монография [Текст] / О. А. Дмитриева. – Волгоград: Перемена, 2007. – 307 с.
3. Карасик, В. И. Языковые ключи [Текст] / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
4. Плахов, В. Д. Герои и героизм. Опыт современного осмысления вековой проблемы [Текст] / В. Д. Плахов. – СПб.: КАРО, 2008. – 240 с.
5. Сапронов, П. А. Феномен героизма [Текст] / П. А. Сапронов. – СПб.: Гуманитарная Академия, 2005. – 512 с.
6. Топоров, В. Н. Пространство и текст [Текст] / В. Н. Топоров // Семантика и структура. – М., 1983. – С. 227 – 284.
7. Amossy, R. Stéréotypes et clichés [Text] / R. Amossy, A. Herschberg Pierrot. – Paris : Armand Colin, 2007. – 128 p.
8. Barthes, R. L'aventure sémiologique [Text] / R. Barthes. – Paris: Éditions du Seuil, 2007. – 358 p.
9. Colonna, V. A quoi sert un personnage? [Text] / V. Colonna // La Fabrique du personnage, dir. F. Lavocat. – Paris: Honoré Champion, 2007. – P. 152.
10. Dufays, J.-L. Le stéréotype, un concept-clé pour lire, penser et enseigner la littérature [Text] / J.-L. Dufays // Marges linguistiques : Actes du XXI colloque d'Albi «Langage et signification». – Saint-Chamas : M.L.M.S., 2001. – P. 6.

Список словарей

11. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь [Текст] / И. Х. Дворецкий. – М.: Русский язык, Медиа, 2008. – 848 с.
12. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/778838>.
13. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка = Russisches etymologisches Wörterbuch / М. Фасмер; перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1986. Т. 1. – 576 с.
14. Dictionnaire de la langue française 'Littré'. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://littrereverso.net/dictionnaire-francais/>
15. Le Trésor de la Langue Française. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cnrtl.fr>.
16. Online etymology dictionary. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.etymonline.com/>.
17. Robert P., Le nouveau Petit Robert de la langue française 2007 [Text] / P. Robert. – Paris : Le Robert, 2006. – 2837 p.

Список цитируемых источников

18. Gary, R. Les racines du ciel [Texte] / R. Gary. – Paris: Folio, 2011. – 495 p.
19. Гари, Р. Корни неба [Текст] / Р. Гари. – СПб.: Симпозиум, 1999. – 448 с.